

Арина Игоревна Орлова (Гамалиенко). Родилась и проживает в Москве. Студентка Литературного института им. А.М. Горького. Лауреат и дипломант ряда международных и Всероссийских литературных конкурсов. Публиковалась в журналах «Бийский вестник», «День и ночь», «Подъём», «Родная Ладога» и «Литературной газете».

Арина Орлова

КОРЕНСКОЙ ЖИТЕЛЬ

Рассказ

В летние каникулы, собираясь провести бабушку, мы усаживались с мамой на фирменный ночной поезд «Соловей», который следовал от Курского вокзала Москвы до железнодорожной станции города Курска. Мы проезжали будто бы вовсе незнакомые нам станции, разглядеть в ночи их окрестности было невозможно, поэтому наша поездка каждый раз казалась нам совсем новой.

Уснуть в дороге никогда не получалось, хоть и в поезде всегда была тишина, слышался только стук колес, такой завораживающий и в то же время успокаивающий. Мама отодвигала белоснежные шторы с фирменной печатью «Курский соловей», и мы наблюдали за пейзажами из окна. Фонарные столбы ярко освещали железную дорогу и местные перроны. В темноте на пути встречали другие поезда, несшиеся с противоположной стороны, приглушенный свет из их окон мимолетно мелькал перед глазами. Виднелись уже старые заброшенные деревеньки и, наоборот, густонаселенные местности.

Мы проезжали Тульскую, Орловскую, Курскую области. И уже через восемь часов, к утру, мы были на станции в Курске, где нас встречала бабушка. Она всегда говорила, что, пока ждет нас на платформе,

вдали всегда старается разглядеть зеленый поезд с желтой выкрашенной лентой, мол: «Знаю, это едете вы». Нам самим без труда удавалось разглядеть среди толпы нашу бабушку, уж сильно она выделялась. Встреча была настоящим праздничным днем, поэтому бабушка надевала выходное кримпленовое платье с фиолетовыми и желтыми цветами и красивым хлопчатый платком покрывала волосы.

Потом мы гуляли по Курску, по традиции заходили в магазин, где продаются лакомства местной кондитерской фабрики, в музей «Курский соловей», на базар на окраине города. Время всегда проходило так незаметно, что и не замечали, как снова нужно было расставаться. Бабушка, провожая нас, не удерживала слез, все приговаривала: «Куда вы так спешите? Чего же так мало побыли у меня? Остались бы еще ненадолго». Перекрестит нас в дорогу: «Дай Бог дороги легкой», дождется отправления поезда, еще немного постоит, пока состав скроется из виду, потом уходит.

Как-то в зимние каникулы я уговорила бабушку поехать вместе с нами в Москву. Готовясь к поездке заранее, бабушка покупала мне раскраски, себе газеты, чтобы не скучать в пути.

В Курск зеленый, с желтой полосой и с золотыми буквами, составлявшими гордое название «Соловей», поезд прибывал на главный первый путь. Когда мы ждали его на перроне на вокзале с радио-столбов играла музыка советских времен, а отправлялся в путь под песню Льва Лещенко:

И с полей уносится печаль,
Из души уходит прочь тревога,
Впереди у жизни только даль —
Полная надежд людских дорога.

Бабушка знает каждую проезжающую «Курским соловьем» станцию: Свобода, Золотухино, Поныри, Малоархангельск, Глазуновка и Змиевка Орловской области. На каждой из них она выходила, будто бы хотела встретить кого-то. На станциях продавался весенний мед. Бабушка обязательно покупала баночку меда, приносила в вагон и мы принимались за лакомство.

— Бабуль, может, попросим чаю принести? — предложила я.

— И правда, что-то я забегалась... Чаю с медком-то как хорошо сейчас! — отвечала бабушка.

Чувствовался терпкий аромат крепкого черного чая, который заваривали кипятком из титана, растапливаемого торфом. Проводница приносила чай в граненом стакане и кусочки вкуснейшего сахара.

— Аринка, погляди, в каком красивом подстаканничке чаек поднесли! — дивилась бабушка, разглядывая со всех сторон стакан. — Посеребренный, с изображением нашего Курского вокзала.

Я забиралась на верхнюю полку, потому что только там можно было прижаться лбом к холодному инеевому стеклу и следить за быстро меняющейся картинкой за окном или рассматривала вагон. Тусклый ночной свет заполнял пространство. Я разглядывала купленную мне мамой на счастье фигурку деревянного птенчика соловья с желтыми, красными, голубыми, витиеватыми узорами. А бабушка, заскучав, сама того не замечая, уже раскрашивала детские раскраски, невольно улыбалась, уж очень увлекательным это было дело, за которым время дороги проходило совсем быстро и незаметно. Раскрашивание успокаивало ее, отвлекало от вечных болей, приходивших с возрастом.

— Бабуль, а помнишь, ты мне читала сказку про Илью Муромца и Соловья-разбойника? Есть поверье, что Соловей-разбойник с Курской земли.

— Да, были слухи... Но ведь Курск — родина певчих птишек, соловушек, поэтому и назвали поезд дальнего следования «Курск—Москва—Курск» «Курским соловьем»... Кому привезешь сувениры? — спрашивала она у меня о приобретенных в одной из курских лавок разноцветных матрешках, глиняных, стеклянных, водяных свисточках в виде соловушки.

— Маме в школьный кабинет поставлю, а ее ученики любоваться будут.

— Гляди-ка, новехонький совсем «Соловей»-то шторы будто бы только купленные, — удивлялась бабушка, осматривая вагон.

— Чего разукрашивать бросила? — спрашивала я, смеясь.

— Надоело. Давай поговорим лучше... Раньше поезда совсем другие были, да и предназначались в свое время для других нужд, — говорила бабушка. — В годы войны мать отправили в госпиталь на колесах из вагонов-теплушек. Работала медсестричкой в санитарном эшелоне. Когда под Курском бои были, то и дело раненых доставляли. Помню, как рассказывала, бывало, что к вечеру руки немеют от усталости, всем помочь нужно, вот целый день бинтами раны перевязывала, от одного раненого к другому, то с водой, то с соленой перевязкой бегала.

— Почему с соленой? — спрашивала я.

— Раствор такой был. Вода с солью. Накладывалась на рану хлопчатая ткань, которую окунали в этот раствор, а соль обеззараживала. В вагонах-теплушках нары да буржуйка, которая отапливала. Топили углем. Да мало его всегда было. В вагонах холодно, приходилось стирать бинты в ледяной талой воде. Руки сильно замерзали. Оттуда у мамки привычка появилась до самой старости: прятать руки, скрестив их, в рукава телогрейки. Помню, она рассказывала, что, когда руки спрячешь, они отогреваются и покалывать начинают, а ведь от тепла и усталости в сон клонит. Так я, глядя на мать, тоже стала руки прятать в рукава... И налеты вражеских самолетов мамочка моя пережила, бомбежки, — продолжала бабушка, — чего только не было... Курская дуга ее застала. Она рассказывала, что бомбежки длились по девять часов, а иногда и целый день бомбят с 4 утра. От взрывов оглушало всю окрестность. Все прятались, суетились. В некоторых вагонах хранились боеприпасы, топливо, военные грузы. Такой случай произошел, когда после очередного налета попала бомба в котел и осталась на потолке топки. Машинист охладил паровоз, схватил бомбу и выбросил ее оттуда. Как он не побоялся, никто не знает!.. После бомбежек медсестрички засыпали землей крупные воронки, путейцы за сотни метров носили шпалы и рельсы, чтобы восстановить дальнейшее движение поезда. К бомбежкам уже так привыкли, что различали по звуку вражеские «Юнкерсы», «Хейнкели», «Мессеры» и нашу 256-ю истребительную дивизию. Один раненый летчик, попавший к нам в передвижной госпиталь, все шутил, что остался жив после вражеских обстрелов, благодаря сковородке, которую подкладывал себе на сиденье. Вот он тогда всех насмешил!..

Попадали к нам куры и заброшенные по военной службе другие вояки, и ослепшие были, и контуженные, с развороченными руками, ногами. Страшно было, стоишь над раненым, а слезы сами градом льются. А помочь — то всем нужно, раскисать некогда. В госпиталь привозили несколько пудов хлеба, яйца, а самое главное — мед. Медом горло лечили...

Бабушка, когда это вспоминает, всегда плачет, да и я не могу удержаться.

— А после войны как жили? — спрашивала я.

— Уже после войны жили мы в Касторном. Мать с отцом устроились работать в школу. Отец, прадед твой, преподавал историю, географию, мать — учительница начальных классов. У нас дома на стене висела большая географическая карта России. Помню, как в детстве я просила отца поиграть со мной. Я называла первый попавшийся городок, увиденный на карте, и просила мне его показать. А отец с закрытыми глазами тут же мне его указывал пальцем. Знал каждую дорогу Курского железнодорожного узла, который содержал Воронежский и Центральный фронты. Назову мимолетно городок на карте, например, Старый Оскол. Он сразу называл дорогу, проходившую в этом районе — Старый Оскол-Ржава, или Елец — Верховье-Орел. Знал карту наизусть. Мог вспомнить любой отдаленный пункт на ней.

В семье нас четверо детишек. Я самая старшая. Родители заняты с утра до позднего вечера. Сначала работа, потом хозяйственные заботы. Жили совсем бедно. Одно спасение только — корову держали, ее Мартой звали. С утра мать кулеша наварит, вот одно кушанье было на весь день. Не помню, чтобы хоть разок все вместе за столом сели, пообедали, не до этого было. Только к печке к чугунку подбегал каждый, зачерпывал половником наспех, кто есть хотел.

Потом приходилось родителям место работы менять. Некоторое время жили в Воскресенске. Когда я подросла, мать стала просить меня в Москву на базар по выходным ходить. Дорогу я, конечно, не знала. Ориентировалась на железные рельсы, проходящие через Воскресенск на Москву. Так и добиралась. Куплю соленой в кадушке селедки, возвращаюсь домой. Помню, идти долго, мороз жуткий. Пришла домой, хотела чулки промокшие, промозглые снять, а они будто окаменели. И как-то так резко дернула, а ткань настолько сильно прилипла к ногам от мороза, что вместе с кожей рванула. Думаю, мать ругаться будет, строгая же, и чулки-то тоже порвались, а других и нет больше никаких, и рассказывать-то боязно. Мама с работы пришла, я сижу с кровяными подтеками на ногах. И спрашивает у меня: «Где это ты кожу так содрала?» Ну, что делать, рассказала, как есть. Она ругаться не стала, достала из сундука бабранный жир, помазала ранки.

Помню, как в Золотухино перебирались. В вагоне переезжали родители, четверо нас, ребяташек, корова тут же с нами, остатки соломы, вещи. Знаешь, Аришка, — обращалась бабушка ко мне, — вся жизнь, будто бы дорога. В Курском районе ходила дрезина. Мы на нее сажались, в город ездили, к родственникам. И зимой ездили, помню, что иногда сама кабинка была засыпана углем, нас машинист все равно с собой прихватывает, но приходилось на открытой платформе стоять. И мороза будто бы не чувствовали. Потом дорогу перекрыли, а рельсы местные жители по дворам растащили. В Золотухинской школе познакомилась с девочками из соседних деревень. Они уже долго здесь жили, кто-то и родился тут же. Они меня водили к местам, где когда-то сражения в годы войны были. Стояли там заброшенные машины, орудия. Севернее станции Поньры находилось целое кладбище немецких танков. Вся земля была пропитана машинным маслом, топливом. Запах гари кругом. Трава там долго не всходила. Пока до дома дойдем, вымажемся все. Повсюду осколки снарядов, фугасные бомбы. А однажды в такую даль забрели, что наткнулись

на кладбище немецких солдат. Здесь и дома разбитые были. Мы по чердакам лазили...

— И не страшно вам было? — прервав, спросила я.

— Не боялись ничего. Да бояться нечего. Пустота и глухота. На чердаках тех солома, уголь, опилки, чьи-то куры из жилых домов здесь неслись. Мы в подол соберем яйца, домой несем. На девятой неделе после Пасхи ходили в Коренную пустынь, чтобы пройти крестным ходом с чудотворной иконой Божией Матери «Знамение», а заодно из святого источника воды целебной испить да искупаться в ней. Народ туда сходил на Коренскую ярмарку: кто продать или купить, кто о деле поговорить, кто на людей посмотреть, кто себя показать, а кто и соловьев послушать. Молва народная гласила, что они громче поют, если горлышко водицей промочат. А в Коренной она особенная, может, потому здешние соловьи своими песнями от всех других и отличаются. Курский соловей такие коленца выделявает, век не забудешь! Много ли, мало ли утекло коренской воды с тех пор, да только стал соловей символом Курского края...

Погостив у нас в Москве, бабушка, радостная и отдохнувшая от деревенских забот, уезжала снова на Курщину. Расставалась уже без ее слез. Только теперь плакали я и мама.

— Бабушка, почему ты плачешь только тогда, когда провожаешь кого-то, ты ведь у нас такая крепкая? — как-то спустя время я спросила ее.

— Не люблю проводы. Самой покидать дом намного легче...

